

Тао Хуайнань помыл руки и сам нашёл полотенце, чтобы вытереть их. Затем протянул его ребёнку из семьи Чи, чтобы тот тоже вытерся.

Он только что положил мыло и продолжал смывать пену с рук. Закончив, он взял полотенце из рук Тао Хуайнаня и быстро вытер руки.

Когда все вышли, Тао Сяодун вдруг вспомнил и спросил:

— Как тебя зовут?

Он ответил:

— Чи Ку.

Тао Сяодун, казалось, не расслышал:

— Чи что?

— Ку. — Ребёнок опустил тонкие веки и повторил:

— Чи Ку.

Это имя дала ему бабушка. Когда он родился, его долго не регистрировали, а когда в деревне в четыре года обязали всех зарегистрироваться, бабушка долго думала, а потом глубоко вздохнула и сказала:

— Пусть будет Чи Ку, с рождения он терпит горе.

Бабушка также говорила, что простое имя помогает выжить, что скромная судьба не выдерживает громкого имени.

Простая судьба действительно помогает выжить. Все эти годы Чи Ку терпел побои и унижения от отца, но до сих пор жив.

Тао Сяодун нахмурился:

— Кто тебе это имя дал?

— Бабушка.

Тао Сяодун хотел что-то сказать, но в итоге промолчал. Возможно, ребёнок не понимал значения своего имени и не видел в нём ничего плохого. Проходя мимо, Тао Сяодун легонько щёлкнул его по лбу и сказал:

— Оригинально.

Тао Сяодун пошёл на кухню готовить еду для них двоих, а дети остались сидеть на диване. Тао Хуайнань сначала помолчал, но через некоторое время не выдержал и сказал:

— Твоё имя совсем не красивое.

Чи Ку посмотрел на него, но не ответил.

Тао Хуайнань, кажется, забыл, что уже однажды своим разговором отпугнул собеседника, и

снова начал болтать сам с собой:

— От него даже во рту горько. Что хорошего в горечи? Лучше бы тебя назвали Чи Тянь.

И продолжал:

— Тебе самому не горько?

Тао Сяодун оглянулся и увидел, как Чи Ку сидит с каменным лицом, не подавая виду, о чём он думает.

Когда бабушка умоляла его забрать ребёнка, Тао Сяодун изначально не собирался действительно брать его с собой. Взять его означало взять на себя ответственность за жизнь, а у Тао Сяодуна не было родителей, и он уже заботился о младшем брате. У него не было лишних сил воспитывать ещё одного ребёнка.

Старушка долго плакала и умоляла, говоря, что достаточно будет просто дать ему еду.

Даже с твёрдым сердцем Тао Сяодун заколебался, ведь семья Тао всегда была мягкосердечной.

Он молчал, а старушка продолжала умолять, и её горькие слёзы было тяжело слушать.

Тао Хуайнань, которого он держал на руках, одной рукой обнял его за шею, прижался щекой к его уху и тихо прошептал:

— Брат.

Тао Хуайнань сам съел миску риса, используя свою большую ложку, часто зачерпывая несколько зёрен, которые едва попадали в рот. Кажется, он уже привык к этому и не злился, спокойно держа миску одной рукой и поднося ложку ко рту.

Тао Сяодун время от времени клал ему в миску овощи, но, несмотря на то что Тао Хуайнань ел с трудом, он не предлагал покормить его.

Те дни в родном доме они кормили его сами, а Чи Ку сидел у стены и ел из большой миски.

— Когда мы поедem за дедушкой Ши, брат?

— Тётушка Тянь отвезла его в родной дом. — Тао Сяодун вытирал салфеткой рисовые зёрна с его подбородка.

— Я скучаю по нему. — Тао Хуайнань снова подносил ложку ко рту и широко открывал рот, чтобы захватить полную ложку.

— Знаю. — Тао Сяодун взглянул на Чи Ку, который ел только рис, положил ему в миску овощи и продолжил:

— Как только вернёмся, брат Тянь И сразу привезёт его.

Чи Ку, на самом деле, уже наелся. Его всё ещё тошнило, голова кружилась, и травма головы ещё не полностью зажила. Он молча доел миску риса и затем сидел, наблюдая, как ест Тао Хуайнань.

Тао Сяодун спросил его:

— Наелся?

Чи Ку кивнул, но его движения казались скованными.

Тао Хуайнань сказал:

— Я тоже наелся.

— Ешь быстрее. — Тао Сяодун сказал ему. — Ты ведь почти ничего не съел.

Тао Хуайнань с невинным видом ответил:

— Я не могу больше, брат, покорми меня?

Тао Сяодун погладил его по голове, улыбнулся, но всё же сказал:

— Ешь сам.

Тао Хуайнань ел полчаса, а потом съел апельсин. Очистив его, он протянул половину Чи Ку, но тот не взял, и он съел его сам.

Вечером Тао Сяодун помыл их обоих, заставив детей раздеться и сесть в ванну. Тао Хуайнань сидел, белый и нежный, с мягкими складочками на теле; другой же съёжился в углу, его тонкая кожа обтягивала кости, а тело было покрыто шрамами и ранами, от которых невольно морщились.

Тао Хуайнань нашёл на полке детский гель для душа со сладким молочным ароматом, намылил себя и начал тереть. Тао Сяодун сначала оставил его, а сам пошёл искать мочалку.

Чи Ку боялся двигаться, горячая вода жгла его тело. Он смотрел, как Тао Хуайнань намыливает себя, и вода постепенно наполнялась пеной.

Тао Сяодун взял полотенце, намочил его и накинул на тонкие плечи Чи Ку, которые выступали из воды.

— Сначала посиди в воде, потом я тебя хорошенько потру. — Тао Сяодун поливал его водой и улыбался. — Ты ведь такой грязный.

Чи Ку сидел в горячей воде, его тело горело и чесалось, но он не двигался.

Большую часть времени он был как немой, чувствуя себя чужим в этом окружении.

Тао Сяодун дважды вымыл его, обходя раны, которые выглядели болезненными. Ребёнок действительно был грязным, и с него сходило много грязи. Пока он мыл его, Тао Сяодун вспомнил своё детство:

— В детстве я тоже был таким, всю зиму не мылся, а летом купался в реке.

Тао Хуайнань вмешался:

— Родители не разрешали лезть в реку.

— Я не слушался. — Тао Сяодун засмеялся. — Я не был таким послушным, как ты, родители много чего запрещали, а я каждый день получал взбучку.

— Папа тоже говорил, что ты непослушный. — Тао Хуайнань вспомнил, опустив голову. — Папа говорил, что ты озорной.

— Да, я озорной. — Тао Сяодун снова засмеялся, потянув за руку Чи Ку, чтобы потереть подмышку. Чи Ку не боялся щекотки, но не привык к тому, что его так близко трут, и отстранялся.

— Не дёргайся.

Мытьё заняло больше часа, и пальцы обоих детей сморщились. Тао Хуайнань, вытеревшись, начал водить морщинистыми пальцами по лицу и губам, находя это забавным, и каждый раз играл так долго.

Чи Ку, завёрнутый в большое полотенце, был вынесен Тао Сяодуном и уложен на диван. Тао Хуайнань спросил его:

— У тебя пальцы сморщились?

Чи Ку не ответил.

Тао Сяодун принёс мазь и начал наносить её на раны Чи Ку. Руки у мужчины были сильные, и растирание было болезненным. Но Чи Ку привык к боли, и это его не беспокоило.

— Теперь ты должен чистить зубы утром и вечером, а вечером ещё и мыться. — Тао Сяодун, закончив мазать, бросил ему пижаму. — Здесь нельзя быть грязнулей, у каждого места свои правила.

Чи Ку кивнул, и из носа снова потекла слезь. Тао Сяодун протянул ему салфетку.

Ночью Тао Сяодун спал с Тао Хуайнанем, а Чи Ку спал один в другой комнате. В городе ночью было так светло, что даже с выключенным светом в окна проникал свет от фонарей, и всё было видно.

Тао Хуайнань много болтал, что-то рассказывая брату, а Тао Сяодун пару раз хлопнул его, чтобы тот закрыл глаза и спал.

Тао Хуайнань спросил:

— Чи Ку уже спит?

— Спит, все дети уже спят, ты последний ребёнок в районе, который ещё не спит в это время.

Тао Хуайнань засмеялся:

— Врёшь.

Тао Сяодун не стал отвечать, а Тао Хуайнань через некоторое время нащупал ухо брата и начал играть с мочкой. Он укрылся своим одеяльцем, почти заснул, но вдруг вспомнил:

— Брат Тянь И завтра привезёт дедушку Ши?

Тао Сяодун ответил:

— Завтра не привезёт.

— А послезавтра?

— Не знаю.

— А через два дня?

— Хватит болтать, спи.

Тао Хуайнань закрыл глаза, и, как это бывает с детьми, быстро уснул, его маленький живот поднимался и опускался в глубоком сне.

Так Чи Ку и остался жить в городе, в доме братьев Тао.

Он всё ещё мало говорил, молчаливый и без эмоций.

Тао Хуайнань сначала пытался заговорить с ним, но тот не отвечал, и в конце концов перестал.

<http://bllate.org/book/16228/1457999>